

— Линь, какие у вас в конце концов отношения с тем мужчиной в комнате? — грубый, зычный голос пронесся по всей усадьбе.

Слухи о том, как Цзян Линь последние несколько дней заигрывает с Син Чжаоюэ, уже разлетелись по всей округе.

Цзян Линь, закинув ногу на ногу, грелся на солнце. По правде говоря, мужчина в комнате удовлетворял любые его прихоти, если не считать скверного характера... Он не то чтобы не успел представить его своим братьям, просто не видел в этом спешки.

— Ты хоть знаешь, кто он такой? — продолжал допытываться громогласный мужчина.

Цзян Линь бросил взгляд на своего названного брата и, покачав головой, ответил:

— Мне плевать, кто он.

Тот не унимался:

— Если бы ты влюбился в женщину, это еще полбеды. Какого бы происхождения она ни была, при должном усердии ты бы своего добился. Но он мужчина! К тому же, видно сразу, что человек он непростой. Что ты будешь делать, если чувства окажутся не взаимны?

Цзян Линь посмотрел на собеседника:

— И что с того, что непростой? Какая разница, кто он — хоть сам Небесный Владыка, хоть демон из преисподней. Раз уж я положил на него глаз, значит, так тому и быть. Я его просто так не отпущу.

Видя, что тот замолчал, словно ошарашенный, Цзян Линь поднялся с кресла и, повернувшись к комнате, где находился Син Чжаоюэ, произнес:

— Происхождение? Ха! Может, он из знатного рода, может, богатейший купец из столицы, а может... Да плевать, кто он. Вторая брат, я правда к нему привязался. И чувствую, что в ближайшем будущем, да и потом, буду привязан еще сильнее.

Этого громогласного мужчину звали Цзян Янь. Он вырос вместе с Цзян Линем на Северо-Западе и был ему ближе родного брата. На их родине осталось еще много таких же верных товарищей, но в Центральные равнины они отправились только вдвоем.

Цзян Янь прекрасно знал нрав Цзян Линя: внешне легкомысленный и ветреный, тот, выбрав человека, никогда не отступится. За маской распутника скрывалось на удивление серьезное сердце.

— Тогда тебе хотя бы стоит разузнать о его прошлом. А если он связан с чиновничьими кругами или, того хуже, с какими-нибудь темными силами? Это же сплошная головная боль.

Даже если не хочешь отступать... ты должен быть готов к последствиям! — понизив голос, предостерег Цзян Янь.

Цзян Линь рассмеялся:

— Чего бояться! Разве есть что-то, с чем я, Цзян Линь, не справлюсь? Ха-ха! — с этими словами он направился к комнате Син Чжаоюэ.

Цзян Янь лишь покачал головой и вздохнул — уж такие они люди. Вдруг, словно что-то вспомнив, он рывкнул вслед:

— Постой! А как же твои идеалы? Ты ведь любил красивых, статных, нежных и добродетельных, а главное — покорных, тех, кто беспрекословно слушается приказов! Этот мужчина, кроме красоты... ну, ладно, привлекательности... нет, статности, — что в нем вообще соответствует твоим требованиям?

Цзян Линь отмахнулся, даже не обернувшись. Цзян Янь крикнул снова:

— Я слышу, какой шум вы поднимаете каждую ночь... У него небось характер не сахар, верно?

Остальные слова потонули в звуке захлопнувшейся двери.

Син Чжаоюэ полулежал на кровати, его лицо меняло оттенки от зеленого до белого, а затем до красного — зрелище было поистине захватывающим.

Цзян Линь, увидев его выражение лица, насмешливо поддел:

— Все слышал?

Син Чжаоюэ одарил его испепеляющим взглядом:

— Твой «дорогой братец» мог бы на поле боя вражеские донесения выкрикивать...

Цзян Линь усмехнулся:

— Это что за должность такая? Разве есть такая вакансия?

— Нет, но он мог бы заменить почтовых голубей... и передавать вести на тысячи ли, — съязвил Син Чжаоюэ.

Цзян Линь протянул руку и притянул его к себе:

— А я? Кто тогда я?

— Ты? Ты мог бы остановить целую армию. Толщина твоего лица сравнима с крепостной стеной!

Син Чжаоюэ чувствовал себя совершенно обессиленным и давно перестал сопротивляться объятиям Цзян Линя, хотя в душе испытывал лишь глубокое отвращение. Сейчас он лишь огрызнулся в ответ на глупые вопросы.

Цзян Линь, конечно, не собирался его отпускать: ухватив за подбородок, он прямо впился в его губы. Лишь спустя долгое время он наконец отстранился.

— Статность, нежность, добродетель — ничего из этого у тебя нет.

Син Чжаоюэ холодно усмехнулся: не слишком ли очевидно?

— Но мне внезапно стало на это наплевать, — добавил Цзян Линь.

Син Чжаоюэ молчал.

— Главное, что это ты, — произнес Цзян Линь.

Син Чжаоюэ передернуло от омерзения. В этот момент он как никогда тосковал по своему императору-отцу.

<http://bllate.org/book/18639/1794930>